

**«Чужое» (цитаты, аллюзии, реминисценции) как «своё»
и «своё» (автоцитаты и автореминисценции)
как «чужое» в письмах и дневниковых текстах
Марины Цветаевой**

С. А. Ахмадеева

ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ, КРАСНОДАР

Аннотация. Рассматриваются смысловые преобразования форм интертекстуальности: цитат, аллюзий, реминисценций как «своих» текстов для адекватного понимания адресатом писем авторских смыслов и в дневниковых текстах – как средства рефлексии, а также автореминисценций и автоцитат как «чужих» текстов для создания авторских смыслов, утверждения авторства мысли, образа в письмах, записных книжках и сводных тетрадах Марины Цветаевой.

Ключевые слова: Марина Цветаева, интертекстуальность, прецедентные феномены, аллюзии, реминисценции, цитаты, автоцитаты, автореминисценции, письма, дневниковые тексты, сводные тетради, записные книжки.

УДК 81'42; 821.161.1;82-6; 82:081; 811.161.1'36; 811.161.1'37 (044.2)

DOI 10/25205/2307-1737-2018-1-79-96

Контактная информация: Ахмадеева Светлана Альфредовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования Государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Институт развития обра-

Ахмадеева С. А. «Чужое» (цитаты, аллюзии, реминисценции) как «своё» и «своё» (автоцитаты и автореминисценции) как «чужое» в письмах и дневниковых текстах Марины Цветаевой // Критика и семиотика. 2018. № 1. С. 79–96.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2018. № 1

© С. А. Ахмадеева, 2018

зования» Краснодарского края (ул. Сормовская, 167, Краснодар, 350080, Россия, ssvetozara@gmail.com)

Интертекстуальность – это «особое качество лишь определенных текстов, при этом один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам. <...> Автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты других текстов... Адресат верно понимает авторские интенции и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности, намеренно предложенной автором... Большинство ученых признается глубинная сущность данного термина – способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством отсылок к другим текстам. <...> Реализация интертекстуальных смыслов очень разнообразна – от преемственности до конфронтации. Новый текст, диалогически реагирующий на предтекст, может задавать ему смысловую перспективу: дополнять, избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать и даже разрушать первичную смысловую систему» [Муратова, 2006, с. 98–99, 101, 102].

Эпистолярные и дневниковые тексты (письма, записные книжки и своды (сводные тетради)) изучены гораздо меньше, чем художественные произведения. Включения из других текстов в эпистолярных и дневниковых текстах необходимы автору, во-первых, для выражения субъективного отношения к произведению и его автору, мысли о котором заносятся в дневник, записную книжку или сводную тетрадь; во-вторых, для соотнесения событий собственной жизни с жизнью, описанной в предтексте.

Диалог, или даже спор создаваемого автором текста с предтекстом (по Ю. Н. Караулову, прецедентным текстом), созвучен языковой природе писем и дневниковых текстов М. И. Цветаевой – «поэта диалога, полемики, спора» [Евгеньева, 2013, с. 103]. Она не просто использует в своих художественных текстах аллюзии на литературные произведения, образы из них, а также библейские и мифологические образы, реминисценции из пословиц и поговорок, но создает авторские фразеологизмы и пословицы на основе и по моделям известных идиом и паремий. С их помощью поэт раскрывает свою мысль через понятные адресату письма образы и отсылки к другим текстам, убеждает его в правильности своей позиции.

Эпистолярный текст (письмо) – это часть письменного диалога адресанта письма с *другим* человеком (адресатом). Их коммуникация «Я – Он» основана на общности фоновых, энциклопедических и ситуативных знаний и передает «некоторый константный объем информации» [Лотман, 1999, с. 165]. М. И. Цветаева вводила адресата писем в диалог, спор о том, что было для нее значимо, привлекая с целью адекватного понимания опи-

сываемой ситуации знакомые ей и адресату цитаты, аллюзии и текстовые реминисценции.

Дневниковый текст (дневник, записная книжка, сводная (рабочая) тетрадь) – способ самоанализа и результат автокоммуникации (коммуникация «Я – Я») как неотъемлемой характеристики дневникового текста. Передавая по этому каналу информацию самому себе, пишущий «внутренне перестраивает свою сущность, поскольку сущность личности можно трактовать как индивидуальный набор социально значимых кодов, а набор этот здесь, в процессе коммуникационного акта, меняется» [Лотман, 1999, с. 165] (в случае рабочих (сводных) тетрадей – «Я тогда – Я сейчас»). При этом слова редуцируются [Там же, с. 168], поскольку записи ведутся *pro domo sua* и пишущий заранее знает то, что кодирует в дневнике одной буквой, сокращенным словом или инициалами. Цель автоцитирования (автоцитации) в процессе создания дневниковой записи – полемика пишущего с собой или убежденность в том, что ранее высказанная мысль, ассоциация, образ верны.

Отсутствие имени автора и названия предтекста в содержащем интертекстуальные феномены новом тексте может обуславливаться разными причинами: например, узнаваемостью текста и автора большинством читателей – носителей языка и культуры, без труда распознающих эти интертекстуальные компоненты как культурные коды, или же ошибками памяти пишущего, который либо не помнит ни точную цитату, ни имя автора или ситуацию, либо трансформирует ее с целью создания иронии, интуитивно осознавая, что именно этот текст и связанные с ним ассоциации адекватно передают высказываемую в тексте мысль.

Интертекстуальные феномены (аллюзии на другие тексты, точные или неточные цитаты, словосочетания, индивидуально-авторские фразеологизмы, паремии, имена литературных героев и названия произведений, имена их авторов, образы из Библии, мифологии и фольклора, косвенные указания на историко-культурные реалии, напоминания о ситуациях) будем понимать как **текстовые реминисценции** – «осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун, 1995, с. 17].

В новых текстах реминисценции возникают сознательно и произвольно.

Предположим, что **в письмах реминисценции** – проявление осознанности, поскольку в эпистолярном общении адресант и адресат опираются на общий фонд знаний. И адресант уверен в том, что цитата, автоцитата, аллюзия, авторский фразеологизм будут поняты адресатом адекватно, «на фоне» имеющейся в его сознании информации о прецедентных текстах и знании значений фразеологизмов и паремий, на основе которых созданы авторские синтактико-семантические новообразования.

В записных книжках реминисценции из «чужих» текстов *возникают произвольно, по ходу записи мысли, и затем осознанно анализируются и комментируются* пишущим.

В **сводных (рабочих) тетрадах**, записи в которых есть не что иное, как результат отбора автором самого ценного и необходимого из записных книжек и писем, написанных на отдельных листках заметок, *цитирование и автоцитирование (автоцитация), аллюзивные отсылки к фактам истории и культуры осознанны*. Это подтверждается авторскими комментариями, примечаниями в скобках, часто датированными (подробнее о скобочных вставках как авторских комментариях в письмах и дневниковых текстах М. И. Цветаевой см.: [Ахмадеева, 2011, с. 15–22]).

Интертекстуальная информация в письмах М. Цветаевой вводится во вставки в виде названий, имён, артефактов, событий, аллюзий на собственные и чужие тексты, ставшие объектами ее размышлений.

В письме к А. А. Тесковой 8 июня 1926 г. из курортного местечка Сент-Жиль Цветаева противопоставляет океан (и море как таковое) горам и поясняет это противопоставление при помощи аллюзии к пушкинскому стихотворению, которому спустя десять лет в автобиографической прозе «Мой Пушкин» посвятит строки, отождествившие стихию и поэзию:

Океан. Сознаю величие, но не люблю (никогда не любила моря, только раз, в первый раз – в детстве, под знаком пушкинского «Прощай, свободная стихия!») (Спасибо за долгую память любви..., 2009, с. 58).

В письмах М. И. Цветаевой к различным адресатам, **её записных книжках и сводных тетрадах** «чужое» (цитаты, аллюзии и реминисценции) часто предстает в измененном виде. Она как-то сказала:

Вся пресловутая «фантазия» поэтов – не что иное, как точность наблюдения и передачи. Всё существует с начала века, но не всё – т а к – названо. – Дело поэта – заново крестить мир (Цветаева, 2000, с. 159).

Цветаева переиначивает книжные фразеологизмы, восходящие к мифологии, Библии, а также пословицы и поговорки, вводит реминисценции и автореминисценции в свои письма и дневниковые тексты.

«Игра между “чужим” и “своим” (“чужое как свое”) входит в авторскую телеологию произведения и рассчитана на опознавание ее читателем» [Минц, 2004, с. 327]. Прецедентными текстами в цветаевских письмах и дневниках часто становятся литературные произведения (басни И. А. Крылова, лирика А. С. Пушкина, А. Ахматовой и др.), цитаты и реминисценции из Библии (*блудный сын; не от мира сего; Не мечите бисера перед свиньями; Кесарю кесарево, а Божие Богу*), пословицы и поговорки (*Баснями соловья не кормят; Лучшие синица в руке, чем журавль в небе; Стерпится, слюбится; Укатали Сивку крутые горки; (Пьяному) (и) море*

по колено; Сытый голодному не товарищ; Не всякое лыко в строку; Двух смертей (двум смертям) не бывать, (а одной не миновать)), фразеологизмы (выйти сухим из воды; сжечь корабль; очертя голову; каши не сваришь).

В письмах **реминисценции** и **номинации литературных героев** нужны Цветаевой для выражения отношения к себе и другим людям (экспрессивно-характеризующая функция), к литературным произведениям:

В. Гюго. – «Общие места». – Да, если солнце – общее место (Цветаева, 2000, с. 311).

В этой аппликативной метафоре (об этой разновидности конструкций с синтаксической аппликацией см.: [Ахмадеева, 2006]) накладываемая на исходное номинативное предложение «В. Гюго» аппликативная часть «Общие места» заключена в кавычки (проявление авторской иронии по отношению к мнению большинства о творчестве В. Гюго). С этим мнением поэт соглашается лишь при одном условии: если солнце – общее место. Весь контекст содержит имплицитное отождествление: В. Гюго – солнце.

В письмо Н. П. Гронскому от 15 сентября 1928 г. Цветаева вписывает фрагмент из записной книжки, содержащий аппликативную метафору, где объектом метафоризации является художественное произведение:

Дафнис и Хлоя. Книга первого удивления¹. Я люблю, когда первые удивления – позади (Цветаева, Гронский, 2003, с. 123).

В целом аппликативная метафора «**Дафнис и Хлоя.** Книга первого удивления» оценочно-нейтральна, и только полное предложение после аппликативной части помогает адресанту понять, что Цветаева не разделяет положительного мнения об этом античном романе (далее в письме она описывает недостатки произведения) (см.: [Цветаева, Гронский 2003, с. 123–124]) [Ахмадеева, 2006, с. 189–190].

Так, например, упоминание двух героинь романа-эпопеи Л. Н. Толстого в записной книжке 3 необходимо, чтобы показать их несходство, даже противоположность, разъяснить причину симпатии по отношению к одной (Наташе Ростовой до брака) и неприятия другой (княжны Марьи) и замужней Наташи в эпилоге. При этом собственное мнение Цветаева преподносит не только как верное, но как общее:

¹ В аппликативных метафорах опорный компонент выделен полужирным курсивом, а накладываемое на него аппликативное предложение – светлым курсивом.

Конец *Н<аташи> Р<остовой>* – гнусное чудо. *Н<аташа> Р<остова>* до брака и *Н<аташа> Р<остова>* после брака – два существа столь же враждующих, как первая Наташа и *кн<яжна> Марья*.

Кн<яжна> Марья! Великая ненависть моей жизни! – Не вижу прекрасных глаз, вижу только красный, наплаканный нос. И эта юродивая покорность отцу, и эти слезливые письма к Жюли, и это страстное желание замужества! –

Женщинам, впрочем, *свойственно ее любить* – *за ее ничтожество*, как соперницы. *Мужчины, искренно любящего княжну Марью – нет* (Цветаева, 2000, с. 152).

Составитель «Фразеологического словаря М. Цветаевой» Н. М. Шевченко выделила более 4 000 фразеологизмов, 60 % из которых употребляются в авторской трансформации (чаще лексической, а также семантической и лексико-семантической), а 25 % являются собственно авторскими [Шевченко, 2011; 2012б, с. 238]: *живая душа поэзии; бездонный колодец памяти; бумага не терпит сожительства; вершинный брат; дальше – некуда, и больше нельзя; земная примета; круговая порука ремесла; не одним пером пишешь письмо и стихи; человек не только глубь, – и высь* [Шевченко, 2014, с. 196]. По мнению исследователя, главное место в цветаевских текстах принадлежит книжным фразеологизмам, пришедшим в язык из Библии, мифологии, из литературных произведений [Шевченко, 2012б, с. 238].

Библия в записных книжках Цветаевой становится не только источником образов и устойчивых выражений, авторских фразеологизмов (подробнее о библейских фразеологизмах и их лексических изменениях при создании авторских фразеологизмов см.: [Шевченко, 2012а; 2012б; 2014]), но и поводом к авторским размышлениям, иногда ироничным и противоречащим общеизвестным толкованиям: «*Отдайте Кесарево – Кесарю*. Какая в этом бесконечная усталость!» (Цветаева, 2000, с. 53), или аутовопроса, ответ на который не предполагает согласие с Библией, как в другой записи об искушении Евы. Эта запись выражает авторскую неприязнь к Еве как воплощению плотской страсти, женской сущности, к Еве как «единственному азарту», «истоку и устью всех азартов» (Цветаева, 2000, с. 177) и грехопадению Адама и Евы:

Адам. Ева, змея. Другого не было и не будет.

—
Зачем *Змей*, когда *Ева*? (Цветаева, 2000, с. 177).

Чаще, чем в исходной форме, существующие образы из Библии и паремии, а также фразеологизмы Цветаева использует как модели для создания авторских образов и фразеологизмов или преобразует в соответствии со своим поэтическим мировосприятием (*не от мира сего – от мира всего; глас вопиющего в пустыне – вопль вопиющего на базаре; хождение по му-*

кам – хождение по душам; отправить на тот фронт; обкормленный баснями соловей и др.):

О ней (Але Эфрон. – С. А.) многие думают: монашка, – безответная, – не от мира сего. Я бы сказала: от мира *в с е г о*!

И не монашка – о нет, вообще как-то вне Бога, упор не в Боге (как у меня), – грех передо мной – да, перед Богом – нет. И крестится на церковь так же: героически, восторженно, почти вызывающе (Цветаева, 2001, с. 210).

В приведенном описании дочери из записной книжки 8 используется и книжный, восходящий к Библии фразеологизм *не от мира сего* (Евангелие от Иоанна, гл. 18, ст. 36), который обычно характеризует отрешенного от внешнего мира и его забот человека, погруженного в себя, свои мысли и идеи, и созданный по его модели фразеологизм *от мира всего* в результате замены одного слова в исходной модели. Авторский фразеологизм необходим поэту, чтобы показать Алю как личность восприимчивую и к окружающему ее миру, и к Богу.

Переосмысливая восходящий к Библии книжный фразеологизм *глас вопиющего в пустыне* (обычно напрасный, тщетный, безответный призыв к чему-либо), М. И. Цветаева в письме к возвращающемуся в Россию В. Ф. Булгакову 2 января 1926 г. создает авторский фразеологизм:

С<ергей> Я<ковлевич> желает Вам возвращения в Россию, а я – того же, что себе – тишины, т. е. возможности работать. Это мой давнишний вопль, *воплъ вопиющего, не в пустыне, а на базаре*. Все базар – Париж, как Вшеноры, и Вшеноры, как Париж, *весь быт – базар*. Но не всякий базар – быт: ширазский – например! Быт, это не преобращенная вещь е с т в е н н о с т ь². До этой формулы, наконец, добралась, ненависть довела (Цветаева, 1995б, с. 8).

В исходном фразеологизме заменены два компонента: *воплъ* – ‘очень громкий крик’, *базар* – ‘кричащая толпа торговцев’. В результате смысл меняется на противоположный: вместо недостатка коммуникации – недостаток приватности.

По моделям фразеологизмов *отправить на тот свет* – ‘убить’, и *хождение по мукам* – ‘тяжёлые испытания, следующие одно за другим’, первоначально – ‘хождение душ умерших грешников по мукам’ или ‘по мытарствам’ в продолжение сорока дней» [Ашукин, Ашукина, 1989, с. 644]. Цветаева тем же способом замены компонента создает авторские фразеологизмы: оформленный как инфинитивное предложение фразеологизм *отправить на тот фронт* (Цветаева, 1997, с. 122) и *хождение по душам* (Цветаева, 1997, с. 271). В первом случае авторский фразеологизм сохра-

² Здесь и далее разрядка в анализируемых контекстах принадлежит М. И. Цветаевой.

няет коннотации исходного и означает 'послать на верную смерть'. Во втором коннотация исходного фразеологизма *хождение по мукам* дополняется авторским смыслом – 'тайный поиск Эроса – бога земной любви', который превращается в череду мучений, перестав быть тайной:

«Психее (в жизни дней) остается одно: *хождение по душам* (по мукам). Я ничего не искала в жизни (вне-жизни мне всё было дано) кроме Эроса, не человека, а бога, и именно бога земной любви. Искала его через души.

Сейчас, после катастрофы нынешней осени, вся моя личная жизнь (на земле) отпадает. *Ходить по душам* и творить судьбы можно только втайне» (Цветаева, 1997, с. 271). Эта запись в черновой тетради «Тезея» была сделана 5 декабря 1923 г.

Поскольку большая часть диалогов поэта протекала в переписке, где можно написать то, что не всегда скажешь в глаза, отличалась высокой степенью задушевности, интимности, то их также можно назвать *хождением по душам*.

Переиначивание М. И. Цветаевой **пословиц** и **поговорок** связано с тем, что она считала содержащуюся в них народную мудрость мнимой и ограниченной и создавала свои, авторские пословицы и поговорки с противоположным значением, отражающие ее жизненный опыт и поэтическое мировосприятие: *Где прочно, там и рвется; С миру по нитке, а бедный без рубашки; Береженого и Бог не бережет; Тишь да гладь – не Божья благодать; Тише воды, ниже травы – одни мертвецы; Ум хорошо, а два плохо; Тише едешь, куда не приедешь; Лучшие с волками жить, чем по-волчьи выть* (цит. по: [Слоним, 2002, с. 136]); *Дала судьба раз – не проси второго; Дала правая, а помнят обе; Каждый грех – первый; Кому предал, тот и предаст; У Руси глаза велики* (цит. по: [Шевченко, 2012б, с. 240]); *Каждый человек сейчас колодец, в к<отор>ый нельзя плевать. – А как хочется!* (Цветаева, 2000, с. 434); *<Слюбится – стерпится>* (Цветаева, 2009, с. 101) и др.

Полемизируя с пословицей *Не сули журавля в небе, (а) дай синицу в руки* (*Лучше синица (синицу) в руки, чем журавль (журавля) в небе*), Цветаева анализирует ее образы и приводит собственные аргументы того, что птица в руках – бессмыслица:

Журавль и синица.

Нет, ложь, ложь и глупость: что делать с синицей и вообще – с птицей в руках?

Есть вещи, к<отор>ые нехороши в руках, хороши – в воздухе.

Журавль например (Цветаева, 1997, с. 548).

В письме к А. А. Тесковой 3 января 1928 г. Цветаева пишет о наступлении нового, 1928 года, сожалея об ушедшем 1927-м, столь плодотворном для нее (закончены посвященные Р.-М. Рильке «Новогоднее» и «Твоя смерть», сборник «После России», «Поэма Воздуха», трагедия «Федра»),

встреча с сестрой). Но вместе с тем Цветаева надеется полюбить наступивший год, как ушедший, и события, которые он принесет, не меньше 1927-го. Поэтому и компоненты поговорки переставлены местами:

Милая Анна Антоновна, еще неохотно вывожу 1928 г. – как каждый новый, впрочем. Заминка руки и сердца, под заминкой – измена. Не сомневаюсь, что *стерпится – слюбится*. (Кстати, *люблю* эту поговорку только *навыворот*, так – только *т е р п л ю*.) (Цветаева, 2009, с. 104).

Другой пример связан с пословицей *Баснями соловья не кормят*. М. И. Цветаева спорит с ее исходным смыслом и создает на ее основе авторское метафорическое сочетание. Так, метафора *обкормленный баснями соловей* встречается во 2-й сводной тетради как отдельно записанное номинативное предложение (Цветаева, 1997, с. 291) и *басенный соловей* как самохарактеристика – в письме к А. С. Штейгеру от 21 августа 1936 г. (адресат письма характеризуется как тот самый соловей из пословицы и этим отличается от самой Цветаевой):

...Я Вас не знаю. Если Вы из тех *соловьев*, которых *баснями не кормят* – этого Вам будет мало (– письма и письма, а никогда ничего живого, а вечером опять один – и т. д.) – Вы просто в один прекрасный день запустите мне в голову всеми моими письмами и чувствами. (Это, в фейерверке, называется: *le bouquet*.)

– Но *я-то – такой соловей, басенный*, меня – хлебом не корми – только – баснями! я так всю жизнь прожила, и лучшие мои любви были таковы – так что *з д е с ь* нам нужно сговориться, ибо *з д е с ь* *der Hund* (могущего быть расхождением) *begraben*: в моей невозможности реально быть с Вами: отдать Вам жизнь (Цветаева, 1995б, с. 580–581).

Интересно, что, обыгрывая в письме русскую пословицу, Цветаева употребляет для указания на суть проблемы и другую, немецкую пословицу «Здесь зарыта собака».

В письме к А. А. Тесковой 29 ноября 1928 г. Цветаева благодарит адресата за многолетнюю любовь и помощь и вспоминает первую строчку из ахматовского стихотворения «*Столько просьб у любимой всегда!*...» (1913):

Нежно благодарю Вас за заботу, мне вспоминается стих Ахматовой:
Сколько просьб у любимой всегда!
По тому, как я у Вас часто прошу, я знаю, что Вы меня любите (Цветаева, 2009, с. 129).

Неточное цитирование объясняется, полагаем, внешним сходством двух неопределенно-количественных числительных, размытостью их семантики в начале риторических восклицаний и ошибкой памяти.

Прецедентные феномены из художественных текстов Цветаева вводит в свои письма и дневниковые записи зачастую как цитату или аллюзию на него. Так, например, выражая свое, в чем-то ироничное, отношение к Песне Песней, Цветаева приводит для сравнения вторичный текст – строки стихотворения Ахматовой – как более предпочтительный:

Песня Песней действует на меня, как слон: и страшно, и смешно.

—
Песнь Песней: флора и фауна всех пяти частей света в одной единственной женщине.

—
Лучшее в Песне Песней, это стихи Ахматовой:
*А в Библии, красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.*

—
Песня Песней написана в стране, где виноград – с бульжником (Цветаева, 2000, с. 172–173).

Обратимся к примерам аллюзий на басни И. А. Крылова «Лев на ловле» и «Стрекоза и Муравей» в двух письмах поэта. Лев в басне И. А. Крылова «Лев на ловле» забирает лучшую (большую) долю добычи себе (в этом значении фразеологизм *львиная доля* и употребляется в речи). В письме С. Я. Эфрону на фронт 2 ноября 1917 г. фразеологизм благодаря соседству с глаголом «отдавать» приобретает противоположный смысл: С. Я. Эфрон³ – это тот, кто способен жертвовать своей львиной долей (жизнью) ради других: «Разве Вы можете сидеть дома? Если бы все остались, Вы бы один пошли. Потому что Вы безупречны. Потому что Вы не можете, чтобы убивали других. Потому что Вы лев, отдающий *львиную долю*: жизнь – всем другим, зайцам и лисам» (Цветаева. 1995б, с. 136–137). Правда, выражение «львиная доля» уже стерлось в языке и превратилось в клише, источник которого редко припоминается. В данном случае косвенным доказательством отсылки служит наличие других персонажей басни. О таких двойственных случаях псевдо-«забытых» цитат писали Р. Д. Тищенко [1975] и З. Г. Минц [2004].

Окказиональные идиомы *муравьиные запасы* и *стрекозиный танец* в письме О. Е. Колбасиной-Черновой от 7 сентября 1925 г. – иронический код для интерпретации сложного житейского выбора: обосноваться в Праге и налаживать быт в Чехии или уехать во Францию, сулящую большие возможности для творчества:

³ В семье и в письмах мужу Лев – домашнее имя С. Я. Эфрона. А. С. Эфрон вспоминала: «Издавна и нежно повелось – Марина звала Сережу Львом, Лёве, он ее – Рысью, Рысихой; сказочные эти клички вошли в домашний, семейный наш обиход, привычно подменяя подлинные имена, и так – до самого конца жизни». [Эфрон, 1989, с. 179].

Наседает осень. С угольщицей в ссоре, – дважды взяла за метраж углей – не знаю, чем будем топиться. Париж туманен. Надо решать: либо *муравьиные запасы* здесь, на зиму, либо *стрекозиный танец* по визам. Предлагают здесь, во Вшенорах, целый ряд квартир, – духу не хватает! Единственное поме- и перемещение, которое я хочу – поезд! (Цветаева, 1995б, с. 753).

В действительности альтернатива представлена как ложная, поскольку «муравьиные запасы» в любом случае будут недостаточны (актуализируется родовое значение муравья как насекомого, то есть существа мелкого, незначительного: таковы же и запасы).

Обратимся к автоцитатам – «**своему**» как «**чужому**» в эпистолярных и дневниковых текстах Цветаевой.

Автоцитаты в письмах и дневниках – это проявление авторефлексии (собственное творчество становится объектом для размышлений) и автокоммуникации (удачная «находка» актуализируется в новых условиях и становится поводом для диалога автора с самим собой в разные периоды творчества – написавшим когда-то приводимый полностью или фрагментарно текст и цитирующим его в письме или дневнике, куда автоцитата вводится как основной тезис, сопровождаемый пояснениями и комментариями, как аргумент в полемике с адресатом письма или доказательство собственной правоты спустя много лет в сводной тетради) (подробнее см.: [Ахмадеева, 2014]).

Что в письмах и дневниках Марины Цветаевой становилось автореминисценцией и автоцитатой?

Словесные формулы из статей, стихотворений и автобиографической прозы, записных книжек, воспроизводимые по памяти полностью или в виде отдельных строк (чаще – первых и последних) и строф стихотворений и поэм, лирической прозы. Нередко они сопровождаются авторскими примечаниями и комментариями: Цветаева либо соглашается с ранее написанным, подтверждает свою мысль, либо изменяет ее в соответствии с новым видением предмета или явления. Последнее особенно интересно, поскольку в этом случае «**свое**» становится «**чужим**», подвергаясь смысловым и структурным трансформациям, как и цитаты, аллюзии и реминисценции из «чужих» текстов.

В письме А. В. Бахраху от 10 декабря 1928 г. М. И. Цветаева пеняет ему на двухнедельное молчание:

Я не только ответила Вам, но назначила Вам и ждала Вас. – В который раз – диву даюсь! (Цветаева, 1995б, с. 626).

Цветаева назначает Бахраху встречу и выражает надежду на то, что отосланное ему письмо, где она описывает детали этой встречи, не потеряется. В постскриптуме она приводит автореминисценцию из написанного

11 августа 1923 г. стихотворения «Письмо» («Так писем не ждут, / Так ждут – письма...») (Цветаева, 1994а, с. 217):

Р. С. «Тряпичный лоскут» даже в кавычках к моим письмам неотносим!
(Цветаева, 1995б, с. 626).

Автоцитаты в цветаевских письмах становились и «отправной точкой» размышлений и *диалога о своем творчестве* с адресатом. Так, например, в письме С. Н. Андрониковой-Гальперн от 12 августа 1932 г. Цветаева не точно цитирует статью Г. В. Адамовича «Стихи» (газета «Последние новости» от 11.08.1932, № 4159):

Мне сегодня дали прочесть в газете статью Адамовича о стихах, где он говорит, что я (М<арина> Ц<ветаева>) хотя и хорошо пишу, но – н и ч е й п у т ь. Саломея! он совершенно прав, только это для меня не упрек, а высшая хвала, т. е. правда обо мне, о правде поэтов сказавшей: «Правда поэтов – тропа, зарастающая по следам» (Цветаева, 1995б, с. 152).

В доказательство правоты критика и своего согласия с его мнением она воспроизводит фразу из главы «Правда поэта» в своем эссе «Искусство при свете совести» (1932):

Правда безответственная и беспоследственная, которой – ради Бога – и не пытаться следовать, ибо она и для поэта безвозвратна. (Правда поэта – тропа, зарастающая по следам. Бесследная бы и для него, если бы он мог идти позади себя.) (Цветаева, 1994в, с. 365).

Приведенная автоцитата – цветаевская находка 1923 г., впервые записанная в Чехии 15 апреля 1923 г.:

Чувство, что *дорога* за мной *пропад<ает>*: *зараст<ает>* по следам
(Цветаева, 2001, с. 289).

Впоследствии существительное *дорога* было заменено более ёмким *тропа*. Позднее этот столь важный для нее фрагмент письма Цветаева перенесет в сводную тетрадь 3 почти дословно, сопроводив его, отсутствующей в отосланном письме скобочной вставкой:

Мне сегодня утром дали прочесть в газете статью о стихах – А<дамови>ча, где он говорит, что я (М. Ц.) *ничей путь*. (Всякий поэт свой *собственный путь – в пропасть*.) С<аломея>, он совершенно-прав, и я счастлива, что это так: Правда поэтов тропа зарастающая по следам, – это я сказала (Цветаева, 1997, с. 488).

В сводных тетрадях Цветаева никого и ни в чем не убеждает, но утверждает за собой право на ранее высказанную идею, авторство мысли, об-

раза, формулы, которые и годы спустя не утрачивают своей новизны и глубины смысла. В сводную тетрадь 2 (начата в первые годы 1930-х) она заносит такую запись:

Крик станций окончен 24го сент<ября>

—
П р а в к т о - т о и з н а с
Сказавши: Любовь – живодерня!
 (NB! Кто-то из нас – я. Пометка
 1932 г.) (Цветаева, 1997, с. 244).

В этом стихотворении 1923 г. (Цветаева, 1994б, с. 227) поэт ведет внутренний диалог с К. Б. Родзевичем, встречи с которым начинались на станциях. В 1932 г. Цветаева вспоминает события девятилетней давности, в которых тогда не было и намека на трагизм, и драматическую развязку в декабре того же года. Скобочная вставка с датированным комментарием необходима Цветаевой, чтобы закрепить за собой право автора на такую метафору любви.

Завершить статью хотелось бы примером автореминисценции. В записную книжку 3 (1916–1918 гг.) Цветаева заносит запись:

– *Si jeune et si décoré!* – В этом весь 12 <од>! ⁴ (Цветаева, 2000, с. 161).

По упоминанию возраста (*jeune*), орденосности (*décoré*) и 1812 года можно предположить, что в процессе фиксирования мысли в 1916 г. или позднее Цветаева вспомнила свое посвященное мужу стихотворение «Генералам двенадцатого года» (26 декабря 1913 г.) (Цветаева, 1994а, с. 193–194). В нем есть строки:

Вас охраняла длань Господня
 И сердце матери. Вчера –
 Малышки-мальчики, сегодня –
 Офицера

и

Вам все вершины были малы
 И мягок – самый черствый хлеб,
 О, молодые генералы
 Своих судеб! –

прямое указание на молодость доблестных генералов 1812 года. (В Отечественной войне 1812 года принимали участие более ста молодых офицеров, удостоенных боевых наград за военные подвиги в этой войне, но вышедших на Сенатскую площадь в декабре 1825 года. Шесть из них, в том числе повешенный П. И. Пестель и сосланный в Сибирь М. С. Лунин, за участие в Бородинском сражении были награждены золотыми шпагами

⁴ Столь юн и столь орденосен (фр.) – примечание составителей.

с надписью «За храбрость», которые были сломаны над их головами во время гражданской казни).

* * *

Такого рода подмены «своего» «чужим» и наоборот (при условии сохранения памяти об истинном источнике) – своеобразный троп, повышающий поэтическую выразительность авторской речи Цветаевой и помогающий адресату адекватно понять ее мысли (в письмах) и убедить себя в своей правоте поэта (записные книжки и сводные тетради).

Как показал анализ **писем** Цветаевой, осознанность использования в них «чужих» и «своих» интертекстуальных феноменов обуславливается характером коммуникации и направлено на убеждение адресата письма в правильности авторской позиции. При этом адресат владеет фоновой информацией, связанной с их значением в прецедентных текстах, и творчеством Цветаевой.

В **записных книжках** записи чаще ведутся спонтанно, под влиянием внешних событий и внутренней потребности зафиксировать ужасную мысль, находку, ассоциацию, образ, высказать мнение о чем-то важном для пишущего. Поэтому реминисценции из «чужих» текстов возникают произвольно, по ходу записи мысли, и осознанно анализируются и комментируются. В цветаевских записях возникают образы из Библии, басен, пословиц и поговорок, лирики классиков и современных ей прозаиков и поэтов. Народная мудрость пословиц и поговорок подвергается анализу, переосмысливается в соответствии с авторским видением. Так Цветаева создает авторские пословицы, фразеологизмы.

Записи в **сводных (рабочих) тетрадях** – результат строгого авторского отбора: в тетрадь заносится самое ценное, поэтому сформулированные ранее в письмах и записных книжках мысли сопровождаются авторскими примечаниями и комментариями.

Охватить все в рамках одной статьи невозможно. Дальнейшее рассмотрение «чужого» и «своего» в нехудожественных текстах М. И. Цветаевой может продолжаться в следующих направлениях: 1) типология и литературные и фольклорные источники «чужих» интертекстуальных феноменов; 2) обусловленность автоцитации характером отношений с адресатом письма и творческими задачами.

Список литературы

Ахмадеева С. А. Аппликативная метафора в тексте. Краснодар, 2006. 293 с.

Ахмадеева С. А. Словообразование в письмах, записных книжках и сводных тетрадях Марины Цветаевой (скобочные вставки как авторские комментарии) // Язык и культура. Томск, 2011. № 3 (15). С. 15–22.

Ахмадеева С. А. Автоцитаты и предвосхищения в письмах и сводных тетрадях

Марины Цветаевой // Актуальная Цветаева: XVII Международная научно-тематическая конференция (Москва, 8–10 октября 2012 г.): Сб. докл. / Сост. И. Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. С. 293–307.

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1989.

Евгеньева Н. А. Функции реминисценции как формы проявления интертекстуальности // Вестн. ОГУ. 2013. № 11 (160). С. 101–105.

Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 163–177.

Миц З. Г. «Забытая цитата» в поэтике русского символизма // Миц З. Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. СПб.: Искусство, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 327–338.

Муратова Е. Ю. Интертекстуальность как одна из текстопорождающих категорий // Вестн. БДУ. Серия 4. 2006. С. 98–103.

Слоним М. Л. О Марине Цветаевой: Из воспоминаний // Марина Цветаева в воспоминаниях современников: В 3 т. М., 2002. Т. 2: Годы эмиграции. С. 90–145.

Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.

Тименчик Р. Д. Принципы цитирования у Ахматовой в сопоставлении с Блоком // Тез. I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 124–125.

Шевченко Н. М. Фразеологический словарь М. Цветаевой. Бишкек, 2011.

Шевченко Н. М. Функционально-стилистические особенности библейских фразеологизмов в творчестве М. Цветаевой // КРСУ. 2012а. Т. 12, № 12. С. 161–163.

Шевченко Н. М. Фразотворчество М. Цветаевой // Учен. зап. Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012б. Т. 25 (64), № 2. С. 238–243.

Шевченко Н. М. Языковая личность М. И. Цветаевой как объект лексикографии: Дис. ... д-ра филол. наук / РУДН. М., 2014.

Эфрон А. С. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М.: Сов. писатель, 1989.

Список источников

Спасибо за долгую память любви...: Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 1922–1939 / Предисл., публ. писем и примеч. Г. Б. Ванечковой. М.: Русский путь, 2009. 427 с.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994а. Т. 1: Стихотворения.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994б. Т. 2: Стихотворения и переводы.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994в. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995а. Т. 6: Письма.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995б. Т. 7: Письма.

Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.

Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 1: 1913–1919.

Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. М.: Эллис Лак, 2001. Т. 2: 1919–1939.

Цветаева М. И., Гронский Н. П. Несколько ударов сердца: Письма 1928–1933 гг. М.: Вагриус, 2003. 320 с.

Article metadata

Title: «Foreign» (Quotes, Allusions and Reminiscences) as «Ours», and «Ours» (Self-Quotes and Self-Reminiscences) as «Foreign» in Marina Tsvetaeva's Letters and Diary Texts

Author: S. A. Akhmadeeva

Author's e-mail: ssvetozara@gmail.com

Author affiliation: Institute for Education Development

Abstract. The article deals with semantic transformations of the forms of intertextuality such as quotes, allusions and reminiscences as «own» texts for an adequate comprehension of meaning, which is implied by the author, by an addressee of the letters, and as a means of self-reflection in diary texts, plus self-reminiscences and self-quotes as «foreign» texts for creation of the meaning and assertion of authorship of the thought and image in Marina Tsvetaeva's letters, notebooks and summary notebooks.

«Foreign» and «ours» in **letters, notebooks** and **summary notebooks** by M. I. Tsvetaeva are applied consciously and conditioned by the nature of communication.

As for an **epistolary dialogue** with an addressee, intertextual phenomena are necessary to M. I. Tsvetaeva in order to convince her addressee of the correctness of her author's position, whereas the addressee possesses background data related to their meaning in precedent texts and to Tsvetaeva's creation.

Notes in **notebooks** occur in a spontaneous way under the influence of external events and the internal need to record a horrible thought, finding, association or image, to advance an opinion about something important for the writer. That's why reminiscences of «foreign» texts (the Bible, proverbs and sayings, literary texts of the Russian classics and contemporary poets) occur on their own, as a thought is being put down, and further developed in the author's considerations, is analyzed, clarified and become a basis of the author's fixed phrases, proverbs and sayings.

The most valuable items from the letters and notebooks are brought into **summary notebooks**; for this reason, previously formulated thoughts are followed by the author's notes and comments.

Marina Tsvetaeva uses self-quotes in her letters and diaries as a means of reflections about her own creation: a successful «finding» is actualized within new conditions and becomes a cause for a dialogue of the author with herself at different times, that is, between the author who once upon a time wrote the text quoted here completely or in fragment, and between the same author who quotes in a letter or diary. A self-quote is introduced therein as the basic thesis supported with clarifications and comments, or as a «starting point» in the dialogue about her creation with an addressee of the letter or a proof of her own rightness many years later in her summary notebook. Tsvetaeva does not ever try to convince anybody in anything in her summary notebooks, yet she confirms the right after her for a previously formulated idea, authorship of a thought, image or formula which even years later do not lose their novice and profundity of sense.

Further consideration of the «foreign» and «ours» in non-fiction texts by M. I. Tsvetaeva may be continued in the following lines: 1) typology and literary and folklore sources of «foreign» intertextual phenomena, 2) dependence of self-quote upon the nature of relations with the letter's recipient and creative tasks.

Key terms: Marina Tsvetaeva, intertextuality, precedent features, allusions, reminiscences, quotes, self-quotes, self-reminiscences, letters, diary texts, summary notebooks, notebooks.

Reference literature (in transliteration):

Akhmadeeva S. A. *Applikativnaya metafora v tekste*. Krasnodar, 2006, 293 p.

Akhmadeeva S. A. *Smysloobrazovanie v pismakh, zapisnykh knizhках i svodnykh tetradyakh Mariny Tsvetaevoy (skobochnye vstavki kak avtorskie kommentarii)*. *Yazyk i kultura*. Tomsk, 2011, no. 3 (15), p. 15–22.

Akhmadeeva S. A. *Avtotsitaty i predvoskhishcheniya v pismakh i svodnykh tetradyakh Mariny Tsvetaevoy*. *Aktualnaya Tsvetaeva: XVII Mezhdunarodnaya nauchno-tematicheskaya konferentsiya (Moskva, 8–10 oktyabrya 2012 g.)*: Sb. dokl. Sost. I. Yu. Belyakova. Moscow, Dom-muzeiy Mariny Tsvetaevoy, 2014, p. 293–307. (In Russ.)

Ashukin N. S., Ashukina M. G. *Krylatye slova. Literaturnye tsitaty. Obraznye vyrazheniya*. Moscow, 1989.

Efron A. S. *O Marine Tsvetaevoy: Vospominaniya docheri*. Moscow, Sovetskiy pisatel, 1989.

Evgeneva N. A. *Funktsii reministsentsii kak formy proyavleniya intertekstualnosti*. *Vestnik OGU*, 2013, no. 11 (160), p. 101–105.

Lotman Yu. M. *Avtokommunikatsiya: «Ya» i «Drugoi» kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kultury)*. *Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya*. Moscow, 1999, p. 163–177.

Mints Z. G. «Zabytaya tsitata» v poetike russkogo simvolizma. *Mints Z. G. Blok i russkii simvolizm: Izbrannye trudy*: In 3 vols. St. Petersburg, Iskusstvo, 2004, vol. 3: Poetika russkogo simvolizma, p. 327–338.

Muratova E. Yu. Intertekstualnost kak odna iz tekstoporozhdayushchikh kategoriy. *Vestnik BDU*, Series 4, 2006, p. 98–103.

Shevchenko N. M. Frazeologicheskiy slovar M. Tsvetaevoy. Bishkek, 2011.

Shevchenko N. M. Frazotvorchestvo M. Tsvetaevoy. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Series «Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii», 2012b, vol. 25 (64), no. 2, p. 238–243.

Shevchenko N. M. Funktsionalno-stilisticheskie osobennosti bibleyskikh frazeologizmov v tvorchestve M. Tsvetaevoy. *KRSU*, 2012a, vol. 12, no. 12, p. 161–163.

Shevchenko N. M. Yazykovaya lichnost M. I. Tsvetaevoy kak ob'ekt leksikografii: Dis. ... d-ra filol. nauk. RUDN. Moscow, 2014.

Slonim M. L. O Marine Tsvetaevoy: Iz vospominaniy. *Marina Tsvetaeva v vospominaniyakh sovremennikov*: In 3 vols. Moscow, 2002, vol. 2: Gody emigratsii. p. 90–145.

Spasibo za dolguyu pamiat lyubvi...: Pisma Mariny Tsvetaevoy k Anne Teskovoy. 1922–1939. Predisl., publ. pisem i primech. G. B. Vanechkovoy. Moscow, Russkiy put, 2009.

Suprun A. E. Tekstovye reministsentsii kak yazykovoe yavlenie. *Voprosy yazykoznaviya*, 1995, no. 6, p. 17–29.

Timenchik R. D. Printsipy tsitirovaniya u Akhmatovoy v sopostavlenii s Blokom. *Tezisy I Vsesoyuznoy (III) konferentsii «Tvorchestvo A. A. Bloka i russkaya kultura XX veka»*. Tartu, 1975, p. 124–125.

Tsvetaeva M. I. Neizdannoe. Svodnye tetradi. Moscow, 1997.

Tsvetaeva M. I. Neizdannoe. Zapisnye knizhki: In 2 vols. Moscow, 2000, vol. 1: 1913–1919.

Tsvetaeva M. I. Neizdannoe. Zapisnye knizhki: In 2 vols. Moscow, 2001, vol. 2: 1919–1939.

Tsvetaeva M. I. *Sobr. soch.*: In 7 vols. Moscow, 1994a, vol. 2: Stikhotvoreniya i perevody.

Tsvetaeva M. I. *Sobr. soch.*: In 7 vols. Moscow, 1994b, vol. 5: Avtobiograficheskaya proza. Stat'i. Esse. Perevody.

Tsvetaeva M. I. *Sobr. soch.*: In 7 vols. Moscow, 1995a, vol. 6: Pisma.

Tsvetaeva M. I. *Sobr. soch.*: In 7 vols. Moscow, 1995b, vol. 7: Pisma.

Tsvetaeva M. I., Gronskiy N. P. Neskolko udarov serdtsa: Pisma 1928–1933 gg. Moscow, 2003, 320 p.